

УДК 94(47).072, 94(47).073

Дата поступления (Submitted) 05.07.2020

Дата принятия к печати (Accepted) 13.08.2020

ZAKHARKO KSENIYA IGOREVNA*Postgraduate student of Saint-Petersburg University, Russian Federation.**199034, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7–9.**E-mail: zakharko.ks@gmail.com, st065273@student.spbu.ru*

Internal corporate struggle of St. Petersburg University in the 1820s. Casus of T.O. Rogov

The most interesting object of research is the intracorporate interaction of the academic class of St. Petersburg University. The cooperation of the members of the teaching corps was based on complex status relations. They were determined by their position, rank and support from the authorities. For the sake of increasing material wealth and intra-corporate influence, teachers entered into a struggle for departments and positions. The article reconstructs for the first time the history of the collision of the rector A.A. Degurov and professor T.O. Rogov for the teaching position. The focus of our study is also the confrontation between the two professorial coalitions of St. Petersburg University, which demonstrated the nature of the intervention of the trustee of the St. Petersburg educational district and the minister of public education in the university life. The author for the first time disclosed the features of the interaction of the members of the faculty of the capital's university in the 1820s. In order to achieve their goals, teachers and representatives of the Ministry of Public Education were ready to ignore the rules established by the main regulatory acts. The author showed that having a member of an academic corporation "ministerial support" provided an opportunity to retain his position and resist internal corporate intrigues. The available evidence allowed us to conclude that teachers, for their own purposes, entered into an open struggle with the head of the school district and used various methods to defend the legitimacy of their actions.

Keywords: *St. Petersburg University, teaching staff, university professor, history of St. Petersburg University, inter-university interaction, conflict, professorial coalition.*

ЗАХАРКО КСЕНИЯ ИГОРЕВНА*аспирантка Института истории Санкт-Петербургского государственного университета**199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.**E-mail: zakharko.ks@gmail.com, st065273@student.spbu.ru*

В рамках изучения процесса становления высшей школы Российской империи в первой половине XIX в. интереснейшим объектом исследования является внутрикорпоративное взаимодействие академического сословия Санкт-Петербургского университета. В основе сотрудничества членов профессорско-преподавательского корпуса лежали сложные статусные отношения. Они были определены занимаемой должностью, чином и поддержкой со стороны власти. Ради приумножения материального достатка и внутрикорпоративного влияния преподаватели вступали в борьбу за кафедры и должности. В статье впервые реконструирована история столкновения ректора А.А. Дегурова и профессора Т.О. Рогова за преподавательскую должность. В фокусе исследования также противостояние двух профессорских коалиций Санкт-Петербургского университета, которое продемонстрировало характер вмешательства попечителя Санкт-Петербургского учебного округа и министра народного просвещения во внутриуниверситетскую жизнь. Автором впервые раскрыты особенности взаимодействия членов профессорско-преподавательского корпуса столичного университета в 1820-е гг. Преподаватели и представители министерства народного просвещения ради достижения своих целей были готовы пренебречь правилами, установленными основными регламентирующими актами. Автор показал, что наличие у члена академической корпорации «министерской поддержки» обеспечивало возможность сохранить должность и противостоять внутрикорпоративным интригам. Также имеющиеся свидетельства позволили сделать вывод, что преподаватели ради своих целей вступали в открытую борьбу с главой учебного округа и использовали различные методы, чтобы отстоять правомерность своих действий.

Ключевые слова: *Санкт-Петербургский университет, преподавательский корпус, университетский профессор, история Санкт-Петербургского университета, внутриуниверситетское взаимодействие, конфликт, профессорская коалиция.*

Внутрикорпоративная борьба Санкт-Петербургского университета в 1820-е гг. Казус Т.О. Рогова

В фокусе современных исследований социальной истории российских университетов находятся их корпоративное и институциональное устройство. Объектом изучения становятся академическая корпорация и условия, определяющие ее организацию и внутреннюю жизнь. Профессорско-преподавательский корпус Петербургского университета состоял из преподавателей, относящихся к группам различных национальностей, вероисповеданий и социального происхождения. Отношения внутри корпорации зависели от формального и неформального статуса конкретного преподавателя, политики министерства народного просвещения. В исследуемый период, будучи частью очень узкого круга академического мира столицы 1820-х гг., профессорско-преподавательский корпус Санкт-Петербургского университета был немногочисленным. Это обстоятельство побуждало (а часто вынуждало) членов университетской корпорации совмещать несколько должностей одновременно и выполнять множество обязанностей. Проблема совместительства преподавателем сразу нескольких должностей в университете и других учебных заведениях была актуальна для всех высших учебных заведений Российской империи. Анализ данных формулярных списков академической корпорации Санкт-Петербургского университета в первой половине XIX в. демонстрирует, что абсолютное большинство преподавателей одновременно служило в нескольких учебных заведениях столицы [29,30,32]. Разрешение на дополнительное трудоустройство, в соответствии с распоряжением о совмещении должностей, предоставлял совет университета и ректор [19, Стлб. 961-964]. В 1817 г. в своем докладе министр народного просвещения А.Н. Голицын отмечал, что данная необходимость была определена нехваткой педагогических кадров. В результате, несмотря на урон основным обязанностям преподавателя, правительство было вынуждено соглашаться с таким ходом дел. [11, с. 262]. Попечитель Санкт-Петербургского округа в 1819 г. делал замечание членам преподавательского корпуса и просил не совмещать несколько должностей по министерству народного просвещения, если в связи с этим не проводились университетские занятия [20, Л. 76об.]. Однако, если этого требовали обстоятельства, глава учебного округа давал свое разрешение на временное замещение. Так, вследствие вскрытия Невы в 1820 г., экстраординарному профессору М.Г. Плисову было позволено, без вреда его обязанностям по университетской библиотеке, продолжить преподавать курс политической экономики, закрепленный за М.А. Балугьянским [20, Л. 172-172об.]. Другой причиной совместительства, по признанию министра, были материальные нуж-

ды, испытываемые членами профессорско-преподавательского корпуса [19, Стлб. 961-964]. В связи со сложившимися обстоятельствами члены академической корпорации стремились сохранить за собой дополнительные места службы. Данные внутрикорпоративные устремления приводили к столкновениям внутри университетской коллегии, интригам, возникали соперничающие преподавательские коалиции [8, с. 218]. Т.В. Костина отмечает, что в период становления корпорации во всех провинциальных университетах шла борьба за кафедры и должности [9, с. 169]. Необходимо подчеркнуть, что и внутри Санкт-Петербургского университета имели место коалиционные объединения профессоров и конфликты между ними. Примером такой коллизии можно считать «дело Т.О. Рогова». В его основе происшедшее в 1825 г. столкновение ректора А.А. Дегурова и профессора Т.О. Рогова, поддерживаемого большинством членов профессорско-преподавательского корпуса. «Дело Т.О. Рогова» стало объектом нашего исследования.

Ректор Антон Антонович Дегуров (1765-1849), в воспоминаниях современников, был *удачливым притворщиком* – «презирая русских, ненавидя немцев, он умел мастерски притворяться перед теми и другими» [17, с. 63]. Родился он в Ноганте (Ножант) близ Клермонта во Франции [14, 15, 29, 30, 31]. В соответствии с данными из формулярных списков, до прибытия в Российскую империю А.А. Дегуров был профессором изящных наук в королевском коллегииуме Де Ла Флега (Флога) и преподавал историю в Парижской центральной школе [14, 15, 29, 30, 31]. Его служба в Харьковском университете была сопровождаема несколькими скандальными историями [6, с. 20]. Однако, в 1811 г. в этом университете А.А. Дегуров получил степень доктора философии, что способствовало его дальнейшей карьере [2, с. 76-78]. В 1817 г. в возрасте 52 лет он вошел в состав профессорско-преподавательского корпуса Главного педагогического института в должности ординарного профессора французской словесности и принял российское подданство [6, с. 14]. В «деле профессоров» 1821 г. А.А. Дегуров, по свидетельству современников, принял сторону попечителя Д.П. Руничя. Данный факт, вероятно, способствовал дальнейшей карьере профессора [4, с.297]. В результате разбирательства и увольнений в 1821 г. Санкт-Петербургский университет лишился выдающихся преподавателей, произошло падение уровня преподавания [5, с. 97; 10, с. 15;]. Фигура профессора А.А. Дегурова оказалась востребована. За неимением другой кандидатуры и, несмотря на незвание преподавателем русского языка, он дополнительно занял кафедру всеобщей истории. Назначение это выглядело тем более странным,

что ведение лекций на русском языке было обязательным требованием ко всем членам преподавательского корпуса Петербургского университета. Так, одной из причин отстранения от должности в 1821 г. ординарного профессора Э.В. Раупаха, стало обучение им студентов на иностранном языке [22, Л. 15]. В дальнейшем, в 1824 г., обращаясь к совету Санкт-Петербургского университета, Д.П. Рунич отмечал необходимость освобождения профессора А.А. Дегурова от преподавания наук на него возложенных, из-за незнания студентами латинского и французского языков, но не от занимаемых кафедр [24, Л. 2]. Однако, несмотря на столь привилегированное положение в университете, в июле 1825 г. А. А. Дегуров, вероятно, неожиданно для попечителя обратился с просьбой на Высочайшее имя об увольнении из университета. Александр I передал прошение А.А. Дегурова министру, а тот попечителю Д.П. Руничу [7, с. 21].

Исправляющий должность попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, по всей видимости, воспользовался ситуацией, связанной с окончанием срока ректорства престарелого Е.Ф. Зябловского, для того, чтобы обеспечить своему протезе место ректора. Важно отметить, что именно ректорская должность предполагала прямое взаимодействие с попечителем и министерством, а также личную ответственность за университетское сообщество [3, с. 64]. Вероятно, в начале августа А.А. Дегуров получил предложение попечителя, от которого «не смог отказаться». Однако, репутация профессора была такова, что даже при поддержке главы округа успех на выборах ему не был гарантирован. Действительно, выборы 7 августа 1825 г. носили драматичный характер и отразили всю глубину противостояния внутри профессорской коллегии. На чрезвычайном собрании совета профессор французской словесности и всеобщей истории А.А. Дегуров получил равное количество шаров вместе с ординарным профессором чистой и прикладной математики Д.С. Чижовым [27, Л. 85]. Важно отметить, что последний, еще во время «дела профессоров», выступал оппонентом Д.П. Рунича и А.А. Дегурова. Окончательное решение по утверждению кандидата в должности ректора должно было принимать высшее начальство [27, Л. 86]. Вероятно, прекрасно понимая на чьей стороне будет правительственная поддержка, профессор Д.С. Чижов в тот же день отказался от дальнейших претензий на ректорскую должность [27, Л. 87]. Таким образом, мы должны не согласиться с мнением Т.Н. Жуковской, что выборы «представляли лишь автоматическое утверждение кандидатуры, предложенной попечителем и уже одобренной министром» [7, с. 22]. Ход выборов демонстрирует желание значительной части корпорации избрать главой университета профессора, ставящего корпоративные интересы выше указаний попечителя.

Как и следовало ожидать, в звании ректора был утвержден А.А. Дегуров. Он прослужил на

этом посту вплоть до своего увольнения 31 декабря 1835 г. Между тем, по мнению Т.Н. Жуковской, карьера А.А. Дегурова являла собой авантюру. Профессор несколько лет занимал чужую должность и добился карьерного успеха, не имея для этого необходимых качеств. В период ректорства А.А. Дегурова столичный университет долгое время сохранял состояние упадка, наступившее после «дела профессоров». В завершении академической карьеры профессор добился звания заслуженного, получил повышенное пенсионное содержание и закончил свою деятельность по министерству народного просвещения [6, с. 19, 21-24]. Вряд ли можно согласиться с категоричной оценкой эпохи А.А. Дегурова в Санкт-Петербургском университете. Однако необходимо отметить, что определенный кадровый и научный «застой» в деятельности университета действительно наблюдался.

Преподаватель Трофим Осипович Рогов (1789-1831) уроженец села Рыбинское, Бежецкого уезда, Тверской губернии, происходил из духовного сословия. Он выпускник Тверской духовной семинарии и Санкт-Петербургского педагогического института, после окончания которого, с 1811 г. в качестве учителя преподавал всеобщую и российскую историю в своей альма-матер. В той же должности в тридцатилетнем возрасте Т.О. Рогов вошел в состав академической корпорации Петербургского университета в числе преподавателей историко-филологического факультета [14, 21, 29, 31, 32]. Примечательно, что в ходе дела профессоров Т.О. Рогов вместе с А.А. Дегуровым и Е.Ф. Зябловским выступал на стороне Д.П. Рунича [4, с. 297]. В 1822 г. он стал читать без вознаграждения вместо профессора А.А. Дегурова курс русской истории, а кафедра изменила свое наименование [1, р. 48; 11, с. LXXXIX, 14, Л. 1-10б]¹. Сам Т.О. Рогов в 1821 г. был утвержден в должности адъюнкта, а в 1822 г. в звании экстраординарного профессора всеобщей и русской истории. Важно отметить, что кроме преподавательских заслуг, никаких научных достижений за новоиспеченным профессором не числилось – не было ни защищенных диссертаций и обретенных степеней, ни научных публикаций. Лишь в 1820 г. преподаватель представил труд на получение звания адъюнкта, которые по замечанию конференции и самого Т.О. Рогова не был основательным [20, Л. 224об. - 225об; 23, Л. 1]. Как уже упоминалось ранее, в июле 1825 г. стало известно о намерении А.А. Дегурова оставить университет [26, Л. 10б]. В тех условиях Т.О. Рогову казалось возможным добиться ординарной профессуры, обязанности по которой он уже фактически нес несколько лет.

7 августа 1825 г. Т.О. Рогов напрямую обратился к министру народного просвещения за поддержкой и с просьбой оказания ему содействия в получении места ординарного профессора и главы кафедры всеобщей истории [14, Л. 1-10б; 18, С. 267]. Как отмечалось ранее, в тот же день

на чрезвычайном собрании совета профессор А.А. Дегуров был баллотирован на должность ректора и позже утвержден на этом посту. 9 августа 1825 г. обращение Т.О. Рогова в министерство было направлено в совет Санкт-Петербургского университета через исправляющего обязанности попечителя Д.П. Рунича. Вероятно, Т.О. Рогов предвидел возможные препятствия со стороны нового ректора и попытался успеть решить вопрос о своем назначении до его вступления в должность. Препградой могло стать нежелание А.А. Дегурова отказаться от дополнительного жалования. Ведь еще в июле 1825 г. в своем обращении на Высочайшее имя при зарплате равной не менее 7 тыс. рублей, он отмечал свое сложное материальное положение [7, с. 21]. Вероятно, в своем стремлении Т.О. Рогов получил поддержку уходящего с должности Е.Ф. Зябловского, который поспешил собрать совет 7 сентября 1825 г. [27, Л. 96]. На том заседании в отсутствие ряда профессоров (в том числе А.А. Дегурова), просьба профессора Т.О. Рогова была одобрена [27, Л. 98].

Несмотря на то, что высочайшая конфирмация на утверждение ректором А.А. Дегурова последовала уже после воцарения Николая I (29 декабря 1825 г.), вероятно, уже с начала октября он вступил в должность исправляющего обязанности ректора. Одним из первых дел, которым занялся новоиспеченный ректор, было дезавуирование незаконного, по его мнению, решения совета о выборах Т.О. Рогова. В связи с чем А.А. Дегуров обратился к попечителю округа и инициировал расследование обоснованности этого назначения. В своем донесении от 20 октября 1825 г. профессор отмечал, что назначение Т.О. Рогова было незаконно по трем причинам:

1) совет университета должен был сообщить ректору А.А. Дегурову о прошении экстраординарного профессора Т.О. Рогова занять место профессора истории, которое занимал первый;

2) на основе §60 устава Московского университета Т.О. Рогов должен был обратиться к факультету о свободной вакансии. Хотя в действительности таковой не было, в своем обращении к министру народного просвещения он утверждал обратное;

3) в соответствии §50 устава Московского университета решение совета недействительно, если сделано в отсутствие ректора и, если число преподавателей, находящихся на заседании, меньше числа отсутствующих, что и произошло (из 14 присутствовало лишь 7 ординарных профессоров) [25, Л. 2-3; 12, С. 570-589].

Исполняющий обязанности попечителя Д.П. Рунич, получив представление А.А. Дегурова, сформулировал свою позицию по делу Т.О. Рогова и изложил ее в донесении министру народного просвещения 24 октября 1825 г. С одной стороны, глава столичного учебного округа подтвердил, что преподаватель Т.О. Рогов с 1822 г. заменял профессора А.А. Дегурова. Однако он также под-

черкивал, что последний не просил увольнения от кафедры. С другой стороны, по мнению Д.П. Рунича, кандидатура преподавателя Т.О. Рогова не соответствовала должности ординарного профессора в связи с отсутствием у него научных трудов, знания иностранных языков и дара оратора. Также одним из аргументов попечитель приводил факт того, что «Т.О. Рогов еще не ординарный профессор и советом университета к званию сему не удостоен» [14, Л. 4об]. Важно отметить, что в своем обращении к совету Д.П. Рунич (об этом он узнал из донесения А.А. Дегурова) отмечал определение Т.О. Рогова ординарным профессором [25, Л. 1]. Попечитель Петербургского округа обращаясь к министру народного просвещения фактически дезавуировал факт повышения и избрания университетским советом профессора истории. *Это могло быть связано с желанием поддержать своего протеже в глазах министерства.* В своем обращении к министру народного просвещения Д.П. Рунич привел различные доводы и подчеркнул, что профессор Т.О. Рогов не был способен возглавить кафедру истории. Попечитель также отмечал, что его мнение было сформировано еще до получения им от А.А. Дегурова донесения о незаконной деятельности совета [14, Л. 4-5; 18, с. 268]. В свою очередь факт того, что профессор французской словесности не вел лекций, переложив эти обязанности на чужие плечи, попечитель объяснял плохой подготовкой студентов, не знающих латыни. Этот факт не позволял иностранному преподавателю обучать их [14, Л. 5об; 18, с. 268-269]. Более того, в журнале совета Санкт-Петербургского университета от 28 декабря 1825 г. вновь была зафиксирована просьба Д.П. Рунича освободить профессора А.А. Дегурова от преподавания одной либо всех дисциплин и подыскать ему замену [27, Л. 167-167об].

4 января 1826 г. на заседании совета выступил профессор и синдик университета С.Г. Боголюбов. С одной стороны, он высказал несогласие с университетской практикой принятия решений [28, Л. 3-3об.]. Преподавателя не устроило, что в отличие от Государственного совета решение университетского органа управления признавалось законным (случай с Т.О. Роговым 7 сентября 1825 г.) после подписания его присутствующими участниками совета, а не всеми его членами. С другой стороны, С.Г. Боголюбов отмечал, что по уставу Московского университета на заседании должны были присутствовать больше половины членов корпорации, входивших в состав университетского органа управления. Также он подчеркивал, что решение, принятое в отсутствие ректора, становилось недействительным. К тому же отсутствующие преподаватели должны были подать свой голос не позже истечения трех дней [28, Л. 3-3об.].

18 января 1826 г. профессор Т.О. Рогов с дозволения совета прочитал все журналы, в которых рассматривалось его дело, и дал ответ на обвинения А.А. Дегурова [28, Л. 13 об. -14]. Т.О. Ро-

гов решил не упустить возможность повышения в должности и обратился к министру народного просвещения за поддержкой после того, как узнал о том, что профессор французской словесности и всеобщей истории, минуя совет, подал прошение об увольнении императору [26, Л. 1об]. В доказательство замещения кафедры профессора А.А. Дегурова и обоснованности своей просьбы Т.О. Рогов привел сведения о своей лекционной нагрузке [26, Л. 2-2об]. Преподаватель также отмечал, что при обозначении кафедры истории праздноной он ссылался на опыт временного замещения кафедры философии. Так в период преподавания профессора Я.В. Толмачева, она обозначалась «временно порученной и праздноной» [26, Л. 2-2об]. Что касается, ректора А.А. Дегурова, то в заседании совета 18 января 1826 г. он предпочел обвинить в происшедшем инциденте Е.Ф. Зябловского [14, Л. 12; 18, с. 274]. Вследствие выше обозначенных событий, на заседании 18 января 1826 г. совет разделился в суждениях по делу Т.О. Рогова. Ректора А.А. Дегурова решительно поддержали только профессор О.И. Сенковский, Г.П. Борнгард и С.Г. Боголюбов. Остальные члены совета выступили за повторное рассмотрение и объяснение произошедших событий [28, Л. 14-14об].

27 января 1826 г. постановлением министра народного просвещения А.С. Шишкова было определено оставить ректора А.А. Дегурова во главе кафедры истории, закончить разбирательство и отказать профессору Т.О. Рогову в его притязаниях на должность. Также косвенным результатом «дела Т.О. Рогова» стало решение министерства народного просвещения отныне принимать в университет лишь студентов, знающих латынь [14, Л. 7]. В тот же день соответствующее письмо попечителем было направлено совету университета [14, Л. 8; 18, с. 270].

Фактически министерское решение должно было завершить этот внутриуниверситетский инцидент. Однако 6 февраля 1826 г. последовало обращение заслуженного профессора Е.Ф. Зябловского, который исправлял должность ректора на собрании совета от 7 сентября 1825 г. Преподаватель был возмущен обвинениями А.А. Дегурова и стремился доказать законность принятого, под его руководством, решения. В своем обращении к исправляющему должность попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Е.Ф. Зябловский представил свою интерпретацию конфликта, разгоревшегося относительно «дела Т.О. Рогова». Заслуженный профессор отмечал, что составить записку его побудило не только стремление оправдать свою беспорочную службу, но и противоправные действия А.А. Дегурова, который при рассмотрении дела становился «сам главным судьей оного», что мешало утверждению законного решения [14, Л. 10]. Предписание министра народного просвещения о прекращении дела Т.О. Рогова было прочитано в совете еще 1 февраля 1826 г. и не было необходимости в под-

готовленной профессором Е.Ф. Зябловским записке. Тем не менее он решил направить ее попечителю и министру. Важно отметить, что объяснение Е.Ф. Зябловского носило оправдательный характер. Профессор ответил на каждую претензию, выдвинутую оппозиционным объединением преподавателей, опираясь на устав Главного педагогического института и Московского университета, [14, Л. 10; 28, Л. 24об].

С одной стороны, Е.Ф. Зябловский отмечал, что дело по записке Т.О. Рогова, полученной от исправляющего должность попечителя учебного округа, не требовало длительного разбирательства и решилось благодаря уточнению обстоятельств (после обращения к журналу университетского совета от 24 февраля 1822 г. и от 3 марта 1824 г.) [14, Л. 14 об; 18, с. 271-273, с. 277]. Профессор подчеркивал, что А.А. Дегуров не имел права участвовать в принятии решения дела, которое касалось непосредственно его [12, С. 570-589; 14, Л. 12об-13, 14 об; 18, с. 277]. Также отсутствие профессора французской словесности на заседании совета не имело законной причины [12, С. 570-589; 14, Л. 12об-13, 14 об; 18, с. 277]. Следовательно, у университетского совета не было повода переносить принятие решения, а его действия были регламентированы уставом Московского университета. Е.Ф. Зябловский подчеркивал, что довод Т.О. Рогова о праздноной кафедре был ошибочен. Заслуженный профессор отмечал, что несмотря на незнание А.А. Дегуровым русского языка и отсутствие педагогической деятельности в течении трех лет, последний был официально утвержден на занимаемой должности и получал жалованье по штату [14, Л. 15об. -16; 18, с. 278]. Особо возмущало Е.Ф. Зябловского отрицание синдиком С.Г. Боголюбовым того факта, что нагрузка не способного вести лекции на русском А.А. Дегурова, была возложена на профессора Т.О. Рогова и превышала норму, определенную уставом [14, Л. 17; 18, с. 280]. По утверждению заслуженного профессора, выписки из журнала конференции и совета за 1822 и 1824 гг. подтверждали, как поручение обязанностей вести лекции по истории Т.О. Рогову, так и сам факт этих занятий [14, Л. 20об; 18, с. 280]. Что касается мнения Е.Ф. Зябловского относительно прямого обращения профессора Т.О. Рогова к министру народного просвещения за поддержкой и повышением в должности, то «...нимало не запрещается искать выгод своих через высшее начальство. Обстоятельства иногда требуют последнего» [14, Л. 15об; 18, с. 278].

Особое место в записке было посвящено доказательству правомерности принятого университетским советом решения. По мнению Е.Ф. Зябловского, в соответствии с уставными положениями правом голоса не должны были быть наделены профессор А.А. Дегуров и Г.П. Борнгард, как его зять. Также на заседании от 7 сентября 1825 г. не присутствовал профессор Ф.Б. Грефе, который

находился в заграничном отпуске. Таким образом, из оставшихся 11 преподавателей, имеющих право голоса, присутствовало 7, что определяло количественное большинство и законность заседания совета [14, Л. 18; 18, с. 281]. По справедливому замечанию Е.Ф. Зябловского, именно преподавателю российского права С.Г. Боголюбову должно было быть известно, что «заинтересованное в исходе дела лицо не может принимать участие в принятии решения его касающегося» [14, Л. 20; 18, с. 283]. Заслуженный профессор также подчеркивал, что несмотря на то, что профессор П.Д. Лодий подписал решение спустя 3 месяца (7 голос), на самом заседании он не высказался против. По мнению бывшего ректора, это лишь подчеркивало убежденность ординарного профессора естественного и уголовного права в правильности принятого советом решения. К тому же Е.Ф. Зябловский отмечал, что уже не раз советом принимался голос отсутствующего преподавателя после истечения законного трехдневного срока [14, Л. 20; 18, с. 283].

20 февраля 1826 г. попечитель проинформировал министра о записке Е.Ф. Зябловского. Комментируя обращение профессора Д.П. Рунич отмечал, что университетский совет на протяжении 3 месяцев игнорировал его предписание доставить объяснения по донесению А.А. Дегурова от 24 октября 1825 г. [14, Л. 80б., 9; 18, с. 271]. Как и следовало ожидать ни записка Е.Ф. Зябловского, ни оправдательное обращение профессора Т.О. Рогова в совет, очевидное невыполнение профессором А.А. Дегуровым своих прямых обязанностей не привели к изменению решения министра. 3 марта 1826 г. в своем ответе министр народного просвещения обозначил отсутствие претензий к заслуженному профессору Е.Ф. Зябловскому и ненужность его оправданий [18, с. 271]. «Дело Т.О. Рогова» было окончено. Однако, победа А.А. Дегурова и утверждение его позиций в университете уже никак не могли помочь карьере Д.П. Рунича, которая стремилась к закату. Указом правительствующего Сената от 10 июля 1826 г. он был отставлен от должности исправляющего обязанности попечителя Санкт-Петербургского учебного округа и от звания члена Главного управления училищ, а в дальнейшем подвергнут следствию и суду за растраты по хозяйственной части столичного университета [33, Л. 2].

Коллизия, произошедшая в Санкт-Петербургском университете в 1825-1826 гг. демонстрирует нам особые черты внутриуниверситетского взаимодействия членов преподавательского корпуса и попечителя учебного округа. Столкновение противостоящих партий университетской профессуры, произошедшее еще на выборах ректора, вылилось в прямое противостояние в деле профессора Т.О. Рогова.

С одной стороны, в процессе утверждения кандидатуры Т.О. Рогова попечитель Санкт-Петербургского

бургского округа Д.П. Рунич решительно дезавуировал факт его одобрения советом в должности ординарного профессора. Мы считаем, что эти действия были направлены на сохранение в составе корпорации своего протеже А.А. Дегурова и обеспечение его поддержки. По нашему мнению, столь активные шаги Д.П. Рунича также напрямую связаны с тем, что в рассматриваемый период его положение в министерстве народного просвещения было неустойчивым. Прибегая к различным методам убеждения министра народного просвещения, попечитель стремился сохранить контроль над преподавательским корпусом университета, с частью которого у него сложились непростые отношения еще с «дела профессоров» 1821 г. С другой стороны, мы можем отметить прямое противостояние членов академической корпорации политике Д.П. Рунича. Так, половина университетского совета проголосовала на выборах ректора за профессора Д.С. Чиждова, очевидно, ставившего интересы сословия выше указаний попечителя и открыто выступившего против инициированного им «дела профессоров». Показательно, что оппоненты Д.П. Рунича и А.А. Дегурова также вряд ли руководствовались в своих решениях, направленных против попечителя и его протеже, интересами «высокой науки»: в противовес кандидатуре А.А. Дегурова, совет одобрил повышение Т.О. Рогова, который не отличался активной научно-исследовательской деятельностью и очевидно, не соответствовал требованиям на должность ординарного профессора. Фактически «трансформировав» процедуру избрания кандидата на должность в угоду своим целям, члены академической корпорации во главе с заслуженным профессором Е.Ф. Зябловским обращались к различным нормативным актам, регламентирующим университетскую жизнь. Они стремились доказать правомерность своих действий и подорвать авторитет неугодных им Д.П. Рунича и А.А. Дегурова. Об открытом противостоянии совета попечителю свидетельствует пренебрежение (на протяжении нескольких месяцев) профессорами претензиями и требованиями главы учебного округа предоставить ему какие-либо объяснения по произошедшим событиям. Можно предположить, что корпорация, осознавая приближающийся и неминуемый крах главы учебного округа, пыталась добиться отстранения и его ставленника. Разгоревшийся конфликт демонстрирует активную борьбу членов профессорско-преподавательского корпуса Петербургского университета против политики попечителя. Этот факт также показывает, что после «дела профессоров» в 1820-е гг. члены профессорско-преподавательского корпуса столичного университета не были «пассивны» и оказывали сопротивление правительственной политике, ограничивающей академическую автономию.

Внутрикорпоративное взаимодействие профессорско-преподавательского сословия столичного университета строилось на основе коалици-

онных отношений и политики попечителя учебного округа. Ключевые решения в вопросах формирования преподавательского коллектива и распределения должностей в Санкт-Петербургском университете принимал министр народного просвещения. Тем не менее, в рамках собственных интересов попечитель учебного округа пытался оказывать на него влияние. Необходимо также от-

метить, что отсутствие единого нормативного акта (специального устава столичного университета) и существование вместо него многочисленных документов, регламентирующих внутриуниверситетское взаимодействие, приводило к коллизиям и позволяло членам корпорации и правительству использовать различные постановления в угоду своим целям.

Примечания

¹ Необходимо отметить, что С.В. Рождественский говорит о том, что замена производилась с 1823 г., однако основываясь на изученных источниках мы склонны утверждать, что Т.О. Рогов начал вести курс вместо профессора А.А. Дегурова с 1822 г. Рождественский С.В. «Первоначальное образование» С.-Петербургского университета 8 февраля 1819 года и его ближайшая судьба // С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности 1819-1919: Материалы по истории С.-Петерб. ун-та / Собр. и изд. И.Л. Маяковский и А.С. Николаев; под ред. проф. С.В. Рождественского. 1919. С. LXXXIX.

Литература и источники

1. Dvornichenko A. Iu., Rostovtsev E. A., Barinov D. A. The Department of Russian history at St. Petersburg University (1821–1917): a group portrait Vestnik of Saint Petersburg University. History. St. Petersburg, 2016, Issue 3, pp. 46–56.
2. Андреев А. Ю., Феофанов А. М. Иностранные профессора российских университетов (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.): Биографический словарь. М., РОССПЭН, 2011. 207 с.
3. Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., НПО, 2012. 656 с.
4. Греч Н. И. Записки о моей жизни / под ред. П. С. Усова. СПб., изд. А. С. Суворина, 1886. 588 с.
5. Жуковская Т.Н. «Дело профессоров» 1821 г. в Санкт-Петербургском университете: новые интерпретации // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. Казань, 2019. Т. 161. Кн. 2-3. С. 96-111.
6. Жуковская Т.Н. Национальные группы в составе профессоров Санкт-Петербургского университета в начале XIX в. // Вестник Волгоградского университета. Сер. 4. Ист. 2011. № 2 (20). С.13-18.
7. Жуковская, Т. Н. О «лжеучености», корысти, интриганстве и корпоративной этике: пороки в университетской среде первой половины XIX в. // Университеты в образовательном пространстве региона: опыт, традиции, инновации. Матер. научно-метод. конф. 16-17 февраля 2010. Петрозаводск, ПетрГУ, 2010. Ч.1. С. 16-26.
8. Костина Т.В. Профессора «старые» и «новые»: «антиколлегияльная» реформа С.С. Уварова // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. М., ИД НИУ Высшая школа экономики, 2013. С. 212-238
9. Костина Т.В. Риторика профессоров русских университетов в аргументации увольнения сочленов корпорации (первая треть XIX в.) // Диалог со временем. М., 2011. Ч. 36. С. 166-197.
10. Кропачев Н.М., Даудов А.Х., Тихонов И.Л., Ростовцев Е.А. Первый университет Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. СПб., 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 5-23.
11. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. Т. 1. Российские университеты и Устав 1804 года. М., изд. Мск. ун-та, 2002. 416 с.
12. ПСЗ. Собр. I. Т. XXVIII. №21498. С.570-589.
13. Российский государственный исторический архив (далее РГИА.) Ф. 733. Оп. 1. Д. 205. Л. 212.
14. РГИА. Ф. 733. Оп. 21. Д. 4. Л. 22.
15. РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 87. Л. 123.
16. Рождественский С.В. «Первоначальное образование» С.-Петербургского университета 8 февраля 1819 года и его ближайшая судьба // С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности 1819-1919: Материалы по истории С.-Петерб. ун-та. Собр. и изд. И.Л. Маяковский и А.С. Николаев, Пг., 2-я Гос. тип., 1919. С. III – CVI.
17. Роммель К. Д. фон. Пять лет из истории Харьковского университета. Воспоминания профессора Роммеля о своем времени, о Харькове и Харьковском университете (1785 - 1815). Харьков, Университетская тип., 1868. 111 с.
18. С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности 1819-1919: материалы по истории С.-Петерб. ун-та / Собр. и изд. И.Л. Маяковский и А.С. Николаев, Пг., 2-я Гос. тип., 1919. 760 с.
19. Сборник постановлений Министерства народного Просвещения. Т. I: Царствование Александра I. 1802-1825. СПб., тип. В.С. Балашева, 1875. Стлб. 961-964.
20. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее ЦГИА СПб.) Ф. 13. Оп.1. Д. 4232. Л. 232.
21. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1888. Л. 71.
22. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 2640. Л. 15.
23. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 246. Л. 2.
24. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 364. Л. 2.
25. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 582. Л. 3.
26. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 839. Л. 2.
27. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 1. Л. 171.
28. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 2. Л. 180.
29. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 26. Д. 110. Л. 305.
30. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 10. Л. 251.
31. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 11. Л. 240.
32. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 13. Л. 356.
33. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 1832. Л. 5.

References

1. Dvornichenko A. Iu., Rostovtsev E. A., Barinov D. A. The Department of Russian history at St. Petersburg University (1821–1917): a group portrait Vestnik of Saint Petersburg University. History [The bulletin of St. Petersburg University. History]. St. Petersburg, 2016, Issue 3, pp. 46–56.
2. Andreev A. YU., Feofanov A. M. Inostrannyye professora rossijskih universitetov (vtoraya polovina XVIII – pervaya tret' XIX v.): Biograficheskij slovar' [Foreign professors from Russian universities (second half of the 18th - first third of the 19th

- century): Biographical dictionary]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 207 p.
3. Vishlenkova E.A., Galiullina R.H., Il'ina K.A. Russkie professora: universitetskaya korporativnost' ili professional'naya solidarnost' [Russian professors: university corporatism or professional solidarity]. Moscow, NLO Publ., 2012. 656 p.
 4. Grech N. I. Zapiski o moej zhizni. [Notes about my life]. St. Petersburg, A. S. Suvorina Publ., 1886. 588 p.
 5. Zhukovskaya T.N. "Delo professorov" 1821 g. v Sankt-Peterburgskom universitete: novye interpretacii ["The Case of Professors" in 1821 at St. Petersburg University: new interpretations]. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya gumanitarnye nauki [Scientific notes of Kazan University. Humanities Series]. Kazan, 2019, V. 161, B. 2-3, pp. 96-111.
 6. Zhukovskaya T.N. Nacional'nye gruppy v sostave professorov Sankt-Peterburgskogo universiteta v nachale XIX v. [National groups of professors from St. Petersburg University at the beginning of the 19th century]. Vestnik Volgogradskogo universiteta. Ser. 4. Ist. [The bulletin of the Volgograd University. Ser. 4. Hist.], 2011, no. 2 (20), pp. 13-18.
 7. Zhukovskaya T.N. O «lzheuchenosti», korysti, intriganstve i korporativnoj etike: poroki v universitetskoj srede pervoj poloviny XIX v. [About "false scholarship", self-interest, intrigue and corporate ethics: vices in the university environment of the first half of the XIX century]. Universitety v obrazovatel'nom prostranstve regiona: opyt, tradicii, innovacii. Mater. nauchno-metod. konf. 16-17 February 2010 [Universities in the educational space of the region: experience, traditions, innovations. Mater. scientific method. conf. February 16-17, 2010]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2010, Part 1, pp. 16-26.
 8. Kostina T.V. Professora "starye" i "novye": "antikollegial'naya" reforma S.S. Uvarova [Professors "old" and "new": "anti-collegial" reform S. S. Uvarova]. Soslovie russkikh professorov. Sozdатели statusov i smyslov [The estate of Russian professors. Creators of statuses and meanings]. Moscow, ID NIU Higher School of Economics Publ., 2013, pp. 212-238.
 9. Kostina T.V. Ritorika professorov russkikh universitetov v argumentacii uvol'neniya sochlenov korporacii (pervaya tret' XIX v.) [The rhetoric of professors at Russian universities in arguing for the dismissal of corporation members (first third of the 19th century)]. Dialog so vremenem [The dialogue over time]. Moscow, 2011, P. 36, pp. 166-197.
 10. Kropachev N.M., Daudov A.H., Tihonov I.L., Rostovtsev E.A. Pervyj universitet Rossijskoj imperii [The First University of the Russian Empire]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya [The bulletin of St. Petersburg University. History]. St. Petersburg, 2019, V. 64, Issue 1, pp. 5-23.
 11. Petrov F.A. Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya v Rossii. T. 1. Rossijskie universitety i Ustav 1804 goda [Formation of a university education system in Russia. V. 1. Russian universities and the Charter of 1804]. Moscow, Moscow. univ. Publ., 2002. 416 p.
 12. PSZ. Sobr. I. T. XXVIII. №21498. pp. 570-589.
 13. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian state historical archive]. RGIA. F. 733. Op. 1. D. 205. P. 212.
 14. RGIA. F. 733. Op. 21. D. 4. P. 22.
 15. RGIA. F. 733. Op. 95. D. 87. P. 123.
 16. Rozhdstvenskij S.V. «Pervonachal'noe obrazovanie» S.-Peterburgskogo universiteta 8 fevralya 1819 goda i ego blizhajshaya sud'ba ["Primary Education" of St. Petersburg University on February 8, 1819 and its immediate fate]. S.-Peterburgskij universitet v pervoe stoletie ego deyatel'nosti 1819-1919: Materialy po istorii S.-Peterb. un-ta [St.-Petersburg University in the first century of its activity 1819-1919: materials on the history of St. Petersburg. University]. Petrograd, 2nd State Printing House Publ., 1919, pp. III – CVI.
 17. Rommel' K. D. fon. Pyat' let iz istorii Har'kovskogo universiteta. Vospominaniya professora Rommelya o svoem vremeni, o Har'kove i Har'kovskom universitete (1785 - 1815) [Five years from the history of Kharkov University. Memoirs of Professor Rommel about his time, about Kharkov and Kharkov University (1785 - 1815)]. Kharkov, University print. Publ., 1868. 111 p.
 18. S.-Peterburgskij universitet v pervoe stoletie ego deyatel'nosti 1819-1919: Materialy po istorii S.-Peterb. un-ta [St. Petersburg University in the first century of its activity, 1819-1919: materials on the history of St. Petersburg. un-ta. Vol. 1: 1819-1835]. Petrograd, 2nd State Printing House Publ., 1919. 760 p.
 19. Sbornik postanovlenij Ministerstva narodnogo Prosveshcheniya. T. I: Carstvovanie Aleksandra I. 1802-1825 [The collection of decrees of the Ministry of Education. T. I: The reign of Alexander I]. St. Petersburg, V.S. Balasheva Publ., 1875. Stlb. 961-964.
 20. Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga [Central state historical archive of St. Petersburg]. CGIA SPb. F. 13. Op. 1. D. 4232. P. 232.
 21. CGIA SPb. F. 139. Op. 1. D. 1888. P. 71.
 22. CGIA SPb. F. 139. Op. 1. D. 2640. P. 15.
 23. CGIA SPb. F. 14. Op. 1. D. 246. P. 2.
 24. CGIA SPb. F. 14. Op. 1. D. 364. P. 2.
 25. CGIA SPb. F. 14. Op. 1. D. 582. P. 3.
 26. CGIA SPb. F. 14. Op. 1. D. 839. P. 2.
 27. CGIA SPb. F. 14. Op. 25. D. 1. P. 171.
 28. CGIA SPb. F. 14. Op. 25. D. 2. P. 180.
 29. CGIA SPb. F. 14. Op. 26. D. 110. P. 305.
 30. CGIA SPb. F. 14. Op. 27. D. 10. P. 251.
 31. CGIA SPb. F. 14. Op. 27. D. 11. P. 240.
 32. CGIA SPb. F. 14. Op. 27. D. 13. P. 356.
 33. CGIA SPb. F. 14. Op. 3. D. 1832. P. 5.

© «Клио», 2020

© Захарко К.И., 2020

УДК 94(47).084.3; 94(510).091

Дата поступления (Submitted) 14.07.2020

Дата принятия к печати (Accepted) 12.08.2020

SERGEY YURYEVICH YAKHIMOVICH

*Ph. D in History, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of social and humanitarian
and economic disciplines
Far Eastern law Institute of the Ministry of interior Affairs of Russia.
680042, Russia, Khabarovsk, Shelest St., 83 – 20.
E-mail: sergyahim-69@yandex.ru*